

Макьюэн Иэн

Амстердам

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М15

М15   **Макьюэн Иэн**
Амстердам / Макьюэн Иэн – М.: Книга по Требованию, 2012. – 105 с.

ISBN 978-5-458-03861-4

Двое друзей – преуспевающий главный редактор популярной ежедневной газеты и признанный композитор, работающий над «Симфонией тысячелетия», заключают соглашение об эвтаназии: если один из них впадет в состояние беспамятства и перестанет себя контролировать, то другой обязуется его убить. В 1998 году роман Иэна Макьюэна (р. 1948) «Амстердам» был удостоен Букеровской премии. Русский перевод романа стал интеллектуальным бестселлером, а работа Виктора Голышева была в 2001 году отмечена российской премией «Малый Букер», в первый и единственный раз присуждавшейся именно за перевод.

ISBN 978-5-458-03861-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

ИЭН МАКЬЮЭН
АМСТЕРДАМ

*Яко и Элизабет Гроот
Друзья здесь встретились и
обнялись*

И разошлись – к своим ошибкам.

У. Х. Оден. «Перекресток»

I

1

Двое бывших любовников Молли Лейн стояли у часовни крематория спиной к холодному февральскому ветру. Обо всем уже было говорено, но они проговорили еще раз.

- Так и не понял, что на нее обрушилось.
- А когда понял, было поздно.
- Быстро скрутило.
- Бедная Молли.
- М-мм.

Бедная Молли. Началось с покалывания в руке, когда она ловила такси у ресторана «Дорчестер»; ощущение это так и не прошло. Через несколько недель она уже с трудом вспоминала слова. «Парламент», «химию», «пропеллер» она могла себе простить, но «сливки», «кровать», «зеркало» – это было хуже. Когда временно исчезли «аканф» и «брезаола»,¹ она обратилась к врачу, ожидая, что ее успокоят. Однако ее направили на обследование, и, можно сказать, оттуда она уже не вернулась. Как же быстро боевая Молли стала больной пленницей своего угрюмого собственника-мужа Джорджа. Молли, ресторанный критик, фотограф, женщина неиссякаемого остроумия, дерзновенная садовница, возлюбленная министра иностранных дел, способная легко пройти колесом в свои сорок шесть лет. О ее стремительном погружении в безумие и боль судачили все: потеря контроля над отправлениями, а с ним – и чувства юмора, а затем – постепенное затмение с эпизодами бессильного буйства и приглушенных криков.

При виде появившегося из часовни Джорджа любовники Молли отошли подальше по заросшей гравийной дорожке. Они добрались до участка овальных розовых клумб с табличкой «Сад памяти». Все растения были безжалостно срезаны на высоте нескольких сантиметров над промерзшей землей – Молли такую практику осуждала. Газон был усеян сплюснутыми окурками – здесь люди дожидались, когда предыдущая группа освободит здание. Прохаживаясь взад и вперед, старые друзья возобновили разговор, к которому возвращались уже раз десять до этого в разных формах; но он утешал их больше, чем пение «Пилигрима».

Клайв Линли узнал Молли первым, в 68-м, когда они были студентами и жили одним домом, хаотическим и зыбким, в Вэйл-оф-

Хелте.²

– Ужасный конец.

Он смотрел, как растворяется в сером воздухе пар его дыхания. Сказали, что в центре Лондона температура минус одиннадцать. Минус одиннадцать. Что-то очень неладно в мире, и не обвинишь в этом ни Бога, ни его отсутствие. Первое непослушание человека, его падение, нисходящий мотив, гобой, девять нот, десять нот. У Клайва был абсолютный слух, и он слышал, как они спускаются от соль. Записывать не было нужды.

Он продолжал:

– Понимаешь – умирать, ничего не сознавая, как животное. Ослабеть, стать полностью зависимой, не успев отдать последние распоряжения и даже попрощаться. Болезнь подкралась...

Клайв пожал плечами. Они дошли до края вытоптанной лужайки и повернули обратно.

– Она предпочла бы самоубийство такому концу, – отозвался Вернон Холлидей. Он прожил с ней год в Париже в 74-м, когда впервые поступил на работу в «Рейтер», а она пописывала для «Вога».

– С мертвым мозгом и в клешнях Джорджа, – сказал Клайв.

Джордж, грустный богатый издатель, не чаял в ней души, и она, к всеобщему удивлению, так и не бросила его, хотя всегда обходилась с ним дурно. Они посмотрели в его сторону: Джордж стоял у двери в группе людей, принимал соболезнования. Смерть жены избавила его от общего презрения. Он будто вырос на дюйм или два, спина у него выпрямилась, голос стал гуще, новообретенное достоинство сузило глаза, погасило жадный, просящий взгляд. Отказавшись сдать ее в приют, он ухаживал за ней собственноручно. И, что существеннее, вначале, когда люди еще хотели ее навещать, он фильтровал посетителей. Для Клайва и Вернона допуск был строго ограничен, поскольку считалось, что при них она разволнуется, а после будет удручена своим состоянием. Другой ответственный гость, министр иностранных дел, также был нежелателен. Люди стали ворчать, в колонках светской хроники появилось несколько сдержанных замечаний. А потом все это потеряло значение: по рассказам, она чудовищно изменилась, люди не хотели ее навещать и были рады, что Джордж их не пускает. Однако Клайв и Вернон с удовольствием продолжали его ненавидеть.

Когда они повернули обратно, в кармане у Вернона запищал телефон. Он извинился и отошел в сторону, предоставив другу продолжать прогулку в одиночестве. Клайв запахнул пальто и замед-

лил шаг. У крематория собралось уже сотни две людей в черном. Пора подойти и сказать что-нибудь Джорджу, иначе будет сочтено невежливостью. Наконец-то Джордж ею завладел – когда она уже не узнавала свое лицо в зеркале. С романами ее он ничего не мог поделать, но в финале она стала целиком его. У Клайва занемели ноги, он стал топать, и в том же ритме вернулись десять нисходящих нот ритардандо,³ английский рожок, а в контрапункте с ним – мягковосходящий мотив виолончелей, зеркальный образ. В нем – ее лицо. Конеч. Все, что было нужно ему сейчас – тепло, тишина его студии, рояль, недописанная партитура – и закончить. Он услышал слова Вернона, завершавшего разговор: «Отлично. Перепишите резюме и поставьте на четвертую полосу. Я буду часа через два». Затем Клайву:

– Чертовы израильтяне. Нам пора подойти.

– Пожалуй.

Однако они сделали еще один круг по лужайке: в конце концов, они тут для того, чтобы хоронить Молли.

С заметным усилием над собой Вернон отодвинул служебные заботы.

– Она была милой девочкой. Вспомни бильярдный стол. В 1978 году под Рождество компания друзей сняла большой дом в Шотландии. Молли и ее тогдашний спутник, королевский адвокат⁴ по фамилии Брейди, изобразили на бильярдном столе Адама и Еву: он в трусах, она в трусах и лифчике, подставка для кия – змей, красный шар вместо яблока. В пересказах, однако, история приобрела несколько иной вид и в таком виде не только попала в один некролог, но даже запомнилась кое-кому из свидетелей: «Молли плясала в Сочельник нагишом на бильярдном столе в шотландском замке».

– Милая девочка, – повторил Клайв.

Делая вид, будто откусывает яблоко и жует, она смотрела прямо на него и развратно улыбалась. Она выкатила бедро и подбоченилась, пародируя уличную девку. Он счел ее упорный взгляд сигналом, и правда, в апреле они снова сошлись. Молли переехала в его студию в Южном Кенсингтоне и осталась на все лето. В это время как раз открылась ее ресторанная колонка и сама она выступила по телевизору, раскритиковав мишленовский путеводитель⁵ как «кулинарный китч». Он тоже впервые обозначился перед публикой – «Оркестровыми вариациями» в Фестивал-холле. Второй заход. Она, вероятно, не изменилась, а он – определенно да. За десять лет он узнал достаточно, чтобы еще кое-чему у нее научиться. Его система всегда была – молот и наковальня. Она научила лукавому сексу, тому, что

иногда необходима неподвижность. Лежи тихо, вот так, смотри на меня, смотри как следует. Мы – бомба замедленного действия. Ему было почти тридцать; по нынешним меркам запоздалое развитие. Когда она нашла себе квартиру и собрала чемоданы, он предложил ей пожениться. Она поцеловала его и прошептала на ухо: «Чтоб она не ушла, он женился на ней, и теперь она с ним, как репей». Она была права, потому что после ее отъезда он радовался одиночеству, как никогда, и написал «Три осенних песни» меньше чем за месяц.

– Ты чему-нибудь у нее научился? – вдруг спросил Клайв.

В середине 80-х Вернон тоже прошелся по второму кругу – во время отпуска, в одном имении в Умбрии. Он был тогда римским корреспондентом газеты, которую теперь редактировал, и женатым человеком.

– Я секс не запоминаю, – ответил он, помолчав. – Наверняка это было изумительно. Но помню, что она объяснила мне все про порчини⁶ – как выбирать, как готовить.

Клайв счел это отговоркой и тоже решил не откровенничать. Он оглянулся на дверь часовни. Придется подойти. И сам себе удивился, когда с некоторой яростью произнес:

– Знаешь, мне надо было жениться на ней. Когда она стала сдавать, я бы задушил ее подушкой или как-нибудь еще и спас бы от всеобщей жалости.

Вернон, засмеявшись, повел друга из Сада памяти.

– Легко сказать. Представляю, как ты пишешь гимны для прогулок заключенных аферистов – вроде этой, как ее – суфражистки...

– Этель Смит. Будь уверен, мои были бы лучше. Друзья Молли, собравшиеся на похороны, предпочли бы не присутствовать в крематории, но Джордж предупредил, что панихиды не будет. Он не желал, чтобы три бывших любовника публично сравнивали свои впечатления на кафедре Сент-Мартина или Сент-Джеймса или переглядывались во время его речи. Подойдя к толпе, Клайв и Вернон услышали привычный гомон фуршета. Подносов с шампанским не было, и голоса не отражались от ресторанных стен, но в остальном это вполне могло сойти за очередной вернисаж в галерее или прием в редакции. Клайв никогда не видел столько лиц при свете дня, притом ужасно выглядящих – кадавры, поставленные стоймя, чтобы приветствовать новопреставленную. В приливе мизантропической энергии он плавно двинулся сквозь гам, не оборачиваясь, когда его окликали, убирая локоть, когда за него хватались, – прямо к Джорджу, который разговаривал с двумя женщинами и старым сморчком в мягкой шляпе и с палкой.

«Какой холод, надо уходить», – услышал Клайв чей-то возглас, но пока что никто не мог преодолеть центростремительную силу светского события. Вернона он потерял – того утащил владелец телеканала.

Наконец Клайв ухватился за руку Джорджа, неплохо изобразив искренность.

– Чудесная служба.

– Очень приятно, что вы пришли.

Ее смерть облагородила Джорджа. Спокойная важность была не в его манере, как правило, просительной и хмурой; хотел нравиться, но неспособен был принять дружелюбие как должное. Бремя чрезмерно богатых – Извините, пожалуйста, – добавил он, – это сестры Финч, Вера и Мини, приятельницы Молли с бостонских времен. Клайв Линли.

Они обменялись рукопожатиями.

– Вы композитор? – спросили Вера и Мини.

– Да.

– Это большая честь, мистер Линли. Моя одиннадцатилетняя внучка разучила вашу сонатину для экзамена и просто влюбилась в нее.

– Рад слышать.

Мысль о том, что его музыку играют дети, слегка угнетала.

– А это, – сказал Джордж, – тоже из Штатов – Харт Пулман.

– Харт Пулман. Наконец-то. Помните, я положил ваши стихи «Ярость» на музыку для джаз-оркестра?

Пулман был поэт-битник, последний оставшийся в живых из поколения Керуака. Высохшая ящерка с трудом повернула голову, чтобы взглянуть на Клайва.

– Я теперь ничего не помню, то есть ни хера, – произнес он тонким, жизнерадостным голосом.

– Но Молли-то вы помните, – сказал Клайв.

– Кого? – Секунды две Пулман сохранял серьезный вид, потом закудаhtал и тонкими белыми пальцами схватил Клайва за руку. – Ну как же, – сказал он своим мульти-пликационным голосом. – Мы с Молли сдружились в шестьдесят пятом, в Ист-Виллидже.⁷

Стараясь не выдать своей обеспокоенности, Клайв произвел в уме вычитание. В июне 65-го ей исполнилось шестнадцать. Почему она ни разу об этом не упомянула? Он нейтрально осведомился:

– Наверно, она приезжала на лето.

– Угу. Пришла на мою крещенскую вечеринку. Какая девочка, а, Джордж?

Значит, растение. Затри года до него. Ни разу не сказала ему про Харта Пулмана. А на премьере «Ярости» она была? В ресторан не пришла потом? Не помнит. То есть ни хера.

Джордж отвернулся и разговаривал с американскими сестрами. Решив, что терять нечего, Клайв приложил ладонь ко рту и наклонился к уху Пулмана.

– Никогда ты с ней не спал, лживая рептилия. Она бы не опустилась до такого.

Он не имел намерения сразу удалиться, потому что хотел услышать ответ Пулмана, но тут слева и справа надвинулись две шумные группы: одна – засвидетельствовать почтение Джорджу, другая – почтить поэта, и в образовавшемся круговороте Клайв был отеснен в сторону и ушел. Харт Пулман и несовершеннолетняя Молли. С отвращением он протолкался сквозь толпу и, очутившись на свободном пятачке, благополучно никем не востребованный, остановился, чтобы оглядеть друзей и знакомых, занятых разговорами. Кажется, он единственный ощущал потерю. Может быть, если бы он женился на ней, то был бы хуже Джорджа и даже этого собрания не вынес бы. И ее беспомощности. Наклонить коричневый пластмассовый флакончик, и тридцать снотворных таблеток на ладонь. Ступка, немного виски. Три столовые ложки желтоватой кашицы. Она смотрела на него, глотая, как будто понимала. Левой рукой он поддерживал ей подбородок, чтобы не вылилось. И обнимал ее, пока она спала, а потом – всю ночь.

Он один ощущал потерю. Он окинул взглядом собравшихся: многие – его возраста, возраста Молли, на год-другой моложе или старше. Какие благополучные, какие влиятельные, как расцвели при правительстве, которое почти семнадцать лет презирали. «Говоря о моем поколении...» Такая энергия, такая удачливость. Вспоенные молоком и соком послевоенного Государства, а затем подкармливаемые невинным и неуверенным благосостоянием родителей, взрослыми вступили в мир полной занятости, новых университетов, книг в ярких бумажных обложках, в Августов век рок-н-ролла и обеспеченных доходами идеалов. Когда лестница позади них затрещала, когда Государство отняло титьку и стало сварливой бабой, они уже были в безопасности, они объединились и принялись обзаводиться теми или иными – вкусами, мнениями, состояниями.

Он услышал веселый возглас женщины: «Я ни рук ни ног не чувствую, я ухожу!» Обернувшись, увидел молодого человека, уже протянувшего руку к его плечу. Лет двадцати пяти, то ли лысый, то ли бритый, в сером костюме, без пальто.

– Мистер Линли. Извините, что помешал вашим мыслям, – сказал молодой человек, убрав руку.

Клайв решил, что он музыкант или любитель автографов, и стянул лицо в маску терпения.

– Ничего страшного.

– Не найдется ли у вас времени подойти и поговорить с министром иностранных дел? Он очень хочет вас видеть.

Клайв поджал губы. Он не хотел знакомиться с Джулианом Гармони, но и не хотел быть демонстративно невежливым. Никуда не денешься.

– Показывайте дорогу, – сказал он, и его повели мимо сбившихся в кучки приятелей: некоторые пытались угадать, куда он идет, и заманить в свою компанию.

– Эй, Линли. Никаких переговоров с врагом! Действительно, враг. Чем он ее привлек? Внешность странная: большая голова, шапка черных волнистых волос, притом собственных, жуткая бледность, тонкие невыразительные губы. Он сделал себе состояние на политическом рынке с весьма заурядным товаром карательных идей и ксенофобии. У Вернона объяснение было простое: высокопоставленный мерзавец, и бойкий в койке. Но таких она могла найти сколько угодно. Должен быть какой-то скрытый талант, который помог ему взобраться туда, куда он взобрался, а теперь еще и нацелиться на кресло премьера.

Помощник подвел Клайва к подкове, выстроившейся перед Гармони, который, видимо, произносил речь или рассказывал какую-то историю. Он прервался, чтобы сунуть руку Клайву и с чувством, словно они были вдвоем, промолвить:

– Много лет мечтал с вами познакомиться.

– Здравствуйте.

Гармони говорил для публики, среди которой были двое молодых людей с приятными, откровенно нечестными лицами газетных хроникеров. Министр был на сцене, а Клайв служил бутафорией.

– Моя жена знает кое-какие из ваших фортепьянных пьес на память.

Опять. Клайв озадачился. И впрямь он такой ручной, одомашненный гений, как утверждают некоторые критики помоложе, – Горецкий⁸ для мыслящих?

– Прекрасная, должно быть, пианистка.

Он давно не сталкивался с политиком плотную и забыл это движение глаз, неустанный поиск слушателей, или дезертиров, или же фигуры более высокого ранга поблизости, или иного какого-то

шанса, чтобы, не дай Бог, не упустить.

Гармони озибался, контролируя аудиторию.

— Начинала блестяще. Голдсмита-колледж, потом Гилдхолльская школа. Ее ждала сказочная карьера... — Пауза для комического эффекта. — Потом познакомилась со мной и выбрала медицину.

Захихикали только помощник и еще одна женщина из сопровождения. Журналисты остались равнодушны. Возможно, они это уже слышали.

Взгляд министра снова остановился на Клайве.

— И еще одно. Я хотел вас поздравить с государственным заказом. «Симфония тысячелетия». Вы знаете, что решение принималось на правительственном уровне?

— Слышал. И вы голосовали за меня.

Клайв позволил себе нотку усталости, но Гармони отреагировал так, как будто перед ним рассыпались в благодарностях.

— Это — самое малое, что я мог сделать. Кое-кто из моих коллег предлагал эту поп-звезду, бывшего «битла». Так как продвигается дело? Идет к завершению?

— Почти.

Конечности у него уже полчаса как окоченели, но только теперь холод пронял его до нутра. В тепле своей студии он сидел бы без пиджака, работая над последними страницами симфонии, до первого исполнения которой оставались считанные недели. Он уже дважды отодвигал срок сдачи, и ему не терпелось домой.

Он подал министру руку.

— Рад был познакомиться. Мне пора.

Но Гармони не принял его руки и заговорил через него: можно было выжать еще немного из встречи со знаменитым композитором.

— Знаете, я часто думал: право художника, такого, как вы, свободно заниматься творчеством есть то, что придает смысл моей должности...

Последовало еще что-то в том же ключе; Клайв смотрел на него, ничем не выдавая растущей неприязни. Гармони тоже был из его поколения. Высокий пост лишил его способности на равных разговаривать с незнакомым. Может быть, это и дарил он ей в постели: волнующее соприкосновение с безличным. Мужчина, вертящийся перед зеркалами. Но она, конечно, предпочитала душевное тепло. Лежи тихо, смотри на меня, как следует смотри. Может быть, эта связь была не более чем ошибкой — Молли и Гармони. Так или иначе, теперь она представилась Клайву непереносимой.

— Интересно, — сказал он бывшему любовнику Молли, — вы по-